

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Дистрибьютор. Глава 10

Злата проспала глубоким сном двадцать часов. Только к вечеру следующего дня чары Морфея уступили место другому более сильному чувству, которое поставило армянку на ноги и ураганным ветром понесло на кухню. Голенькая куколка поглощала еду со страшной скоростью. Я испугался, что она обожрётся, и её начнёт тошнить. Мы договорились не усердствовать в первый раз, покушать ещё раз ночью, если возникнет желание.

Желание возникло, и я снова следил за тем, чтобы она не обожралась. Если в первый раз Злата одна осилила огромную сковороду жаренной картошки, которую я рассчитывал на три дня, одна съела яичницу из пяти яиц, десять сосисок, предварительно отваренных мною в кастрюльке, то ночью эта миниатюрная бестия взялась за хлеб с молоком и вареньем. Я боялся, что неизвестный недуг вызвал полное отсутствие меры в её организме. Злата точила по-страшному, пугая меня механическим пережёвыванием всего съедобного. К пяти утра она, наконец, успокоилась и уснула.

Наступил понедельник. Мне нужно было идти на работу. Я оставил записку на кухонном столе в надежде на то, что Злата найдёт её там, когда проснётся. После произошедшего я слабо представлял себе обязанности Ключника.

«В любом случае, — думал я, выходя из подъезда, — пора позвонить старому импотенту Мюллеру и спросить, как у него дела».

Я по-прежнему не знал, что вызывает страшную болезнь, поразившую Злату, но уже понимал, что девушки боятся помешательства, приводящего к смерти, и поэтому цепляют замки на вагины. Кольцо Ключника всё это время оставалось на моём члене, придавая уверенности. Что-то подсказывало мне, что именно в нём кроется тайна чудесного исцеления армянки.

«Как ни крути, но ей стало легче», — вспоминал я прошлую ночь.

Злата уже не орала, не мастурбировала и не бросалась на меня, как ненормальная.

Я дошёл до угла дома, и тут лицом к лицу столкнулся с двумя представителями доблестной милиции.

— Дмитрий Николаевич? — они сразу узнали меня. — Пройдёмте, пожалуйста, — один из них взял меня за локоть.

Валять дурака, лохматить ментам бабушку не представлялось возможным. Я жил на съёмной квартире и никогда в руках не держал повестку, отрекся от неё по телефону, как мог, когда мама звонила.

— Аккуратно порви на тысячу кусочков и выкинь в мусоропровод, — учил я её. — А если придёт участковый, скажи, что уехал в Россию на заработки, скажи, что женился, что ему там хорошо и он ждёт российского гражданства. А если наступит война, то он всё равно за наших воевать будет, так что пускай там в военкомате не беспокоятся за его судьбу и спят спокойно. Родина на замке.

На замке...

И вот доблестные стражи ведут меня в милицейский уазик, сажают на заднее сиденье, предлагают «прокатиться в участок», чтобы «задать пару вопросов». Возражений у меня, конечно, нет. Я рад-радёшенек стараться, помогать в расследовании серьёзного правонарушения.

Мы приезжаем к солидному старому зданию в районе «Парка Челюскинцев», на входе часовой, на стоянке служебный транспорт с признаками власти: маячки, символика, тонированные стёкла. Меня ведут по пути наименьшего сопротивления, я только успеваю выхватить глазами табличку над входом: «Главное управление по наркоконтролю и противодействию торговле людьми». Поднимаемся на второй этаж, вокруг люди в милицейской форме, суетятся, шмыгают по кабинетам. Проходим в дальний конец коридора, распахиваем высоченную железную дверь, чёрную, с позолоченной вывеской: «Начальник Главного управления Хомич Виктор Владимирович». Конвой запикивает меня в приёмный покой и закрывает дверь за спиной.

Девушка-мент в форме, стоящая у шкафа, оборачивается на секунду:

— Дмитрий Николаевич? Присядьте, пожалуйста.

Её приказ, выраженный глубоким грудным голосом, не терпит отлагательства. Я валюсь в стул возле стенки, пережёвываю остатки смысловых реакций на происходящее.

«Эко меня занесло», — сдерживаю тяжкий вздох, чтобы не привлечь внимание хозяйки предбанника, которая тем временем полезла в самый нижний ящик.

Это вчерашняя выпускница Академии МВД, а, может, просто студентка, проходящая практику. В любом случае молодая коза напялила голубую рубашку с погонами, тёмно-синий галстучек, короткую юбку из такого же плотного, как школьная форма, материала, бесцветные блестящие колготки, чёрные замшевые ботильоны, выставила всё это добро на показ, согнувшись в три погибели возле шкафа. У неё шикарная грушевидная задница, дешёвые коровьи ляжки на тонких козьих копытцах.

— Не надоело пялиться? — коза выпрямляется, гневно смотрит на меня. Суровое детское личико, покрасневшее, излучает ненависть, наглый ментовской взгляд не знает пощады, подавляет всё сентиментальное в человеке. Она могла бы работать на скотобойне.

Голубоглазая фурия с шапкой русых волос, затянутых на затылке, мечет искры из глаз. Грациозна, как фавн, вышагивает к столу, садится, меня ракурс зрения. Я был бы рад провалиться под стол. Только за столом она, а я — напротив. Стол к тому же без передней стенки, сквозной. Начальник, видно, решил позабавиться.

— Что же ты не смотришь? — фурия раздвигает ноги под столом. — Смотри, — она приказывает, и я не могу послушаться. Пялюсь, как дурак, ей в промежность. Там обычные белые трусики.

— Всё посмотрел? — она холодна как айсберг. Сурова и безжалостна.

— Да, — мычу в ответ, отвожу глаза в сторону, стыдливо прикрывая их рукой.

Сложно назвать то, что произошло, актом интимного откровения. Скорее, это был акт визуального изнасилования.

— Может, ты извращенец? — девушка в погонах шипит, извергая ненависть. Её холодный ледяной взгляд парализует волю. — На идиота вроде не похож. Не наркоман, — она снова раздвигает ноги под столом. — Явно не наркоман.

Звонок стационарного телефона на столе прерывает рассуждения озабоченной стервы.

Выслушав краткие указания, она кладёт трубку, кивает мне в сторону двери, злорадно улыбаясь:

— Иди. Там тебе щас вставят по самые помидоры, — сука смакует каждое слово. Особенно «самые».

В кабинете Хомича творческий беспорядок. Замечательно, этого ещё не хватало. Сейчас

поставят меня к стенке раком, обыщут, найдут кольцо, ключик, и тогда пишите письма, дорогие родители.

Что я могу сказать. Молчу, как рыба.

— Что вы на это скажете? — Хомич мог бы и жёстче подойти к вопросу. Его как будто забавляет моё нежелание колотьяся.

— Меня, наверное, с кем-то попутали, — мямлю в ответ.

Полкан хмыкает. Вытягивает руку к коммутатору:

— Людочка, зайдите, пожалуйста, на секунду.

В кабинет заскакивает коза сопливая.

— Запри дверь, — устало бросает ей полкан.

Та щёлкает замком, замирает возле двери по стойке смирно.

— Дима, — Хомич растягивает гласные, как будто ищет в имени моём защиты. — Дмитрий.

Я выжидательно поднимаю нос.

— Можно тебя кое о чём попросить? — полкан совсем с катушек слетел, обращаясь ко мне с таким задушевым трепетом.

Нет ничего на свете, в чём я мог бы отказать этому вежливому блюстителю правопорядка.

Я решительно киваю.

— Трахни эту суку разок, а то у неё уже мозги набекрень. Мурыжит меня тут целыми днями, покоя не даёт.

Я в изумлении пялюсь на полкана, бросаю украдкой взгляд на Людочку. Та смотрит в пол отстранённо.

— Как? — до конца надеюсь, что это шутка.

— В презервативе, конечно. Кончать не обязательно. Просто засунь ей пару раз, — полкан переключается на подчинённую: — Иди сюда, мразь. Сейчас тебя будут трахать.

Фурия цокает каблучками, подходит вплотную к Хомичу.

— Снимай своё барахло.

Людочка живенько стягивает юбку, капроновые блестящие колготки, белые трусики.

Вездесущий замочек болтается на стянутой стальным прутком вагине. Бритая жирная тушка молочного поросёнка надёжно сцеплена кольцами.

Хомич расстёгивает пуговку под галстуком, вытягивает ключик.

«Щёлк», — и Людочка усаживается коровьей жопой на стол вытягивать пружину.

— Не возражаешь, если я посмотрю? — полкан выглядит уставшим, от работы, от жизни.

Отрицательно мотаю головой, сохраняя предельную осторожность, чтобы не выдать шок.

«Ключник позвал ключника для оказания услуг интимного характера», — мелькает мысль.

Людочка тем временем заканчивает снимать причиндалы. По команде «Займись им» ковыляет ко мне со спущенными колготками, стрингами до колен, опускается на коленки, руки скользят к ширинке, расстёгивает её, стягивает трусы, достаёт член. Всё это с невозмутимым довольным выражением долженствования на лице. Я не успеваю опомниться, как лютая фурия в погонах присасывается к окольцованной плоти, заглатывает вялую колбасу полностью, обмывает её языком, гоняет за щекой, прижимая к нёбу, урча, как кошка, впиваясь коготками в тонкую разбухшую кожу, вытягивает член губами в длину, чтобы через секунды нырнуть до конца, полностью заполнив себя твердеющей массой. Она работает с остервенением, чёрное кольцо Ключника высвобождает сексуальную агрессию, накопившуюся в предбаннике за долгие месяцы заточения.

«Наконец-то, железный стояк с кольцом. Теперь он от меня не уйдёт», — Людочка накидывает презерватив, одним махом скатывает его до основания и уже тянет меня за член к столу. Опрокидывается на крышку стола плашмя, не выпуская член из цепких пальцев. Втыкает головку в горячую распахнутую вагину.

Есть что-то неестественное в её движениях, зомбическое. Она действует без тормозов, формальностей, одержимая одним желанием — трахнуть меня поскорее. Это мужская похоть, с которой самцы после длительного заключения трахают своих подруг, только выраженная наоборот. В женском пассивном стремлении оседлать, насадиться, потереться девушка в голубой рубашке с погонами становится козой-задирой, которая лезет на рожон, бросается на амбразуру с вагиной нараспашку.

Я вхожу в неё до конца, и тут Людочка издаёт отчаянный душераздирающий стон, грудной, хрипящий, со знакомыми нотками безумия, как будто я всадил ей меч в матку, а не семнадцать сантиметров сервелата, специально залитого для работы.

— Вот так, — Хомич, который всё это время оставался безучастным, наблюдая за действиями подопечной, засовывает средний палец в рот Людочке. Та обсасывает его так же жадно, как до этого мой член.

Она совсем оскотинилась: развратно стонет, как порношлюха, отскакивает назад на член, летит вперёд на палец. Каждый мой удар вызывает в ней бурю эмоций.

— Вот так, мразь, — повторяет полкан с довольной ухмылкой, гоня уже пол-кисти во рту подчинённой. — Будешь теперь спать спокойно.

— У-гу, — томно мурлычет Людочка. От её спеси не осталось и следа.

Полкан тоже решил не скучать: придавил Людочку щекой к столу, достал из выдвижного ящика огромную чёрную дубинку с ручкой и засунул русявой козе половину резинового хозяйства в хлюпкий рот. Гоняет теперь, жёстко долбя её в глотку, без всякого понимания, что это живой человек с ограниченными физическими возможностями, а не резиновая Зина.

Но Людочке, похоже, нравится. Иначе она бы не стала беспомощно вытягивать руки вдоль бёдер, как курочка, отдавая Хозяину ротик на растерзание. Ей, похоже, уже абсолютно всё равно, что с ней вытворяют. Она поплыла и взглядом и телом, обмякла на столе, вернувшись к женской пассивной роли.

Я вцепился в жирные ляжки с зачатками целлюлита, долблю не спеша белую заплывшую задницу. Этого достаточно, чтобы довести сержанта милиции до предоргазменной истерики. Она всхлипывает, закидывает каблучки вверх, дёргается на столе в припадке, похожем на эпилепсию.

— Держи её, — хрипит полкан, скобой-клевнёй прибивая шею Людочки к столу, почти до конца вгоняя расклюявленную дубинку в горло. Все тридцать сантиметров толщиной с черенок лопаты с огромной скоростью влетают в горло, расширяя его визуально. Ручка стучается в губы и дубинка начинает обратный путь. Людочка не заглатывает дубинку, её потрошат, как курицу или индюшку, засовывая резиновую руку глубоко внутрь, выгребая остатки женских соплей.

Я держу её. Она бьётся в мощном оргазме, как будто ничего больше не знает в этом мире, кроме бурных оргазмов. И жуткий безумный стон, кошачий мартовский рёв разносится по кабинету Начальника Главного управления.

— Вот так, — Хомич испытывает не меньшее удовольствие от оргазма подчинённой. Он постепенно отпускает её в свободное плавание, треплет по щеке. Я тоже делаю шаг назад,

обессиленный после борьбы с задницей дикого мустанга.

Людочка сползает с дубинки по крышке стола и валится на пол, как мешок муки. Это вызывает дикий хохот у полкана.

— Молодец, выручил, — он довольно смотрит на меня. — Что б я без тебя делал, — обходит край стола, заглядывает вниз.

Я уже заправил член с презервативом в джинсы, пялюсь на бездыханное сытое тело, валяющееся под столом, затраханное в рот символом милицейского мужества. Моя роль на сегодня выполнена. Надеюсь, меня отпустят без предъявления обвинений в растлении молоденьких сотрудниц.

— Да, передавай там Шитинкову привет, — полкан дружелюбно улыбается, неожиданно протягивает руку. Я испытываю неловкость, пожимая её, вспоминая, что так зовут Мюллера.